

Л.В. Овчинникова

**Корейские левые и коммунисты в период 1918—1928 гг.
и борьба с ними японской администрации:
по материалам служебных изданий японского
генерал-губернаторства**

Аннотация. Вопросы национально-освободительного, в частности левого и коммунистического, движения колониальных стран требует некоторого переосмысления и дополнительной научной информации. Поиск новых сведений, позволяющих нарисовать картину корейского освободительного процесса, является одной из актуальных задач. Важным источником изучения этой темы можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства. Это публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Сведения изданий расширяют представление о деятельности левых и коммунистов в Корее в период 1918—28 гг., о борьбе с ними японской администрации.

Ключевые слова: колониальная Корея, генерал-губернаторство, японская администрация, антияпонская борьба, освобождение Кореи.

Автор: Овчинникова Любовь Всеволодовна. Кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки, МГУ имени Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1).
ORCID: 0009-0008-8390-5708. E-mail: lovchin@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчинникова Л.В. Корейские левые и коммунисты в период 1918—1928 гг. и борьба с ними японской администрации: по материалам служебных изданий японского генерал-губернаторства // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 16—29. DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.65.003.

L. V. Ovchinnikova

**Korean left-wing and communists' struggle against Japanese colonial rule
in 1918—1928 reflected in official editions of Japanese administration**

Abstract. The article is devoted to Korean struggle for independence, particularly to the activity of left-wing and communist organizations in 1918—1928. The author undertakes a task to see how their struggle is reflected in official editions of Japanese colonial administration. The books were published by the General-Governor's Office, Police and Court. They extend our knowledge of left-wing and communist groups' activity in 1918—1928, along with Japanese colonial administration's methods of governance and control.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, Governor-general Office, liberation movement, struggle for independence.

Author: Liubov V. Ovchinnikova. Ph.D. (History), Japanese Philology Department, Associate Professor Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (address: 125009, Moscow, Mokhovaya St., 11, building 1).
ORCID: 0009-0008-8390-5708. E-mail: lovchin@yandex.ru

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citations: Liubov V. Ovchinnikova. Korejskie levye i kommunisty v period 1918—1928 gg. i bor'ba s nimi yaponskoj administracii v sluzhebnykh izdaniyakh yaponskogo general-gubernatorstva. [Korean left-wing and communists' struggle against Japanese colonial rule in 1918—1928 reflected in official editions of Japanese administration]. Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1 (14): 16—29.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.65.003.

Вопросы национально-освободительного, в частности левого и коммунистического, движения колониальных и зависимых стран требует в наше время некоторого переосмысления и дополнительной научной информации. Образовалось немало белых пятен из-за секретности ряда материалов, недоступных исследователям. Вопросам освободительной борьбы в последние годы уделяется недостаточно внимания. Между тем без глубокого объективного исследования этих проблем не понять всего хода исторического развития, сложного и противоречивого.

Это можно отнести и к истории Кореи, отмеченной широкими выступлениями народных масс. Выяснение традиций, характерных черт и особенностей их борьбы за независимость помогает исследованию современности, процессов, происходящих в двух корейских государствах. Труды, созданные советскими корееведами по данной тематике, также частично нуждаются в пересмотре, уточнении по ряду позиций. Поиск дополнительных источников, новых сведений, позволяющих нарисовать правдивую картину корейского освободительного процесса, в частности деятельности левых и коммунистов, а также борьбы с ними японских властей, выступает как одна из актуальных задач.

Для исследования этой проблематики автор использует материалы закрытых японских изданий генерал-губернаторства. Среди доступных автору книг наибольший интерес представляют: «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время», Сеул, 1935 г.; «Вестники идеологии (Отчеты прокуратуры Верховного суда)», Сеул, 1934, 1936, 1937, 1938 гг.; «Корейская полиция», Сеул, 1938 г.; «Словарь тайной полиции», Сеул, 1935 г. Некоторые из этих публикаций имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно». Исследованы и общие издания генерал-губернаторства, в большей степени, чем в открытых изданиях, раскрывающие обстановку в стране, положение народных масс: «Обстановка в Корее», Сеул, 1943 г.; «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер корейского генерал-губернаторства», выпуск 1938 г. (последние также имеют гриф «Секретно»); книга «25лет управления Кореей», Сеул, 1940 г. и др.

Никак не рассчитанные на постороннего читателя, закрытые японские архивы в целом содержат значительно более правдивые, достоверные сведения, чем материалы в открытых изданиях. Но они требуют критического подхода по ряду

причин. Порой завышался размах, масштабы, антияпонских выступлений, в частности левых и коммунистов, дабы доказать трудности их подавления, деятельности полицейских органов, а также чисто в прагматических целях для повышения ассигнований на аппарат насилия. Кроме того, несмотря на широкую сеть агентуры и провокаторов, осведомителей, на показания, вырванные у арестованных, полиция знала далеко не все. Многие из завербованных дезинформировали её, организовывали руками полиции расправу над изменниками и предателями. (Упоминания на сей счет встречаются и в исследуемых изданиях.) Наконец, некоторые из обвиняемых в антияпонской деятельности, не выдержав пыток и согласившись дать показания, говорили лишь часть правды или вовсе дезинформировали судей.

Важно также иметь в виду подход японских служебных изданий к оценке характера всех антияпонских выступлений — так называемых идеологических преступлений. К левым обычно причислялись лица, организации, выступления, связанные с деятельностью или влиянием коммунистов. Вышеупомянутые издания подчас не проводят разделение между левыми и коммунистами. Исследуемые издания носили прикладной, практический характер; перед их авторами стояла задача выявления всего, что опасно для японских властей (персоналия, события и пр.), а также выработка методов управления и контроля. Учитывая эти моменты, автор сравнивал исследуемые материалы с фактами и оценками, приводимыми в работах российских и зарубежных исследователей.

Тематика колониальной истории Кореи разрабатывалась в трудах отечественных востоковедов. Достаточно вспомнить монографии и труды советских корееведов, в первую очередь монографию «История Кореи» [1, 1974]. Их авторы — Ф.И. Шабшина (Куликова), В.И. Шипаев, М.Н. Пак, Ю.М. Ванин и др. — создали немало трудов по разным аспектам этой темы, причем особое внимание они уделяли именно исследованию корейского сопротивления. Авторы высоко оценивали патриотизм, самоотверженность корейских борцов за независимость страны. Ценными для исследователей представляются и труды советских историков-корееведов — непосредственных очевидцев событий, — посвященные рассматриваемому периоду; в частности книги Ф.И. Шабшиной «В колониальной Корее. (1940—1945). Записки и размышления очевидца» [4, 1982] и «Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945)» [5, 1959]. В XXI в. были изданы монографии: «История Кореи (Новое прочтение)» [2, 2003], «История Кореи: с древности до начала XXI века» [3, 2009] и др., авторы которых освещают вопросы национально-освободительного, в том числе коммунистического и левого, движения. И все же они не затрагивают отдельные аспекты этой тематики. В ряде случаев в источниковедческом ключе автор обращался к весьма интересным, насыщенным многочисленными фактами монографиям американских ученых — Р. Скалапино, Ли Чжонсика, Со Дэсука и др. [7, 1963], [8, 1972], [9, 1969]

Представляется, что материалы японских закрытых изданий генерал-губернаторства, исследуемые автором, позволяют принять следующую периодизацию корейской национально-освободительной борьбы в целом и деятельности левых и коммунистов в частности: 1) конец 1910-х — 1920-е годы; 2) конец 1920-х — первая половина 1930-х годов; 3) вторая половина 1930-х — начало 1940-х годов.

Критерии такой периодизации многоплановы. Они включают повороты событий мирового и корейского освободительного движения, его стратегии и тактики и условия, в которых оно протекало, а также связанные с этим методы подавления его японскими властями. В качестве одного из важных критериев периодизации выступает политика и практика единого фронта патриотических сил, в первую очередь коммунистов, левых и националистов. В данной статье автор останавливается на первом этапе борьбы корейцев за освобождение, в частности на деятельности левых и коммунистов в период конца 1910-х — 1920-х годов.

Сведения, содержащиеся в японских изданиях генерал-губернаторства по периоду 1918—1928 гг. дают дополнительный фактический материал, расширяющий представление о содержании освободительной борьбы, о действиях левых сил. Они способны существенно помочь исследовать весь процесс корейского освободительного движения, осветить его спорные проблемы. В первую очередь это касается внешних и внутренних факторов, стимулировавших в это десятилетие борьбу за национальное освобождение. Материалы этих книг указывают, что в первое десятилетие японского господства в Корее протест против национального гнета и социального бесправия достиг особого накала, вызвав взрыв народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное освободительное движение 1919 г. [2, 2009, с. 284—290]; [1, 1974, с. 52—58]. В японских изданиях говорится о воздействии на Корею Октябрьской революции в России. Один из главных, проходящих через все рассматриваемые издания тезисов сводится именно к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной антияпонской борьбы, что последняя экспортировалась Москвой, искусственно ею насаждалась.

Японские издания неоднократно указывают на то, что революционные события в России серьезно повлияли на движение 1919 г., что не могло не беспокоить колониальную администрацию. Издание «Корейская полиция» отмечает: «В начале 1-й мировой войны в Корее было много недовольных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г., а также интервенции в Сибири. В последующие годы стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей» [13, 1938, с. 65]. В закрытых японских изданиях оно неизменно связывалось с рукой Москвы; утверждалось, что «среди народа насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Характерно, что движение за независимость внедряется интеллигенцией и подхватывается массами» [13, 1938, с. 65]; [1, 1974, с. 37—40]. «Словарь тайной полиции» также пишет, что «...идеи независимости в это время (конец 1910-х годов) получили распространение среди широких народных масс» [10, 1935, с. 275]. Выступления с освободительными лозунгами, в той или иной степени связанные с революционными событиями в России, стали именоваться «идеологическими преступлениями». Издания японского генерал-губернаторства приводят данные о многочисленных организациях, совершающих такие «идеологические преступления» в 1920-е годы. В частности, в «Вестнике идеологии» содержатся данные как об арестах по так называемому делу «добровольческих войск», так и о деятельности других «подрывных элементов». Указывается, что эта группа была свя-

зана с Москвой; своей целью она провозгласила борьбу за независимость. [12, 1937, с. 62]. Сообщается и о других аналогичных организациях, действовавших, в частности, в 1923—1924 гг. [12, 1937, с. 62].

Думается, следует признать большую, объективно обусловленную роль революции в России, но не абсолютизировать её, учитывая и отрицательные черты большевистского опыта и влияния. Последние проявились в жесткой бескомпромиссности, приверженности радикальным, разрушительным действиям и перенесении их на Корею, перед которой стояли национально-освободительные задачи, непосредственно социалистические.

Вместе с тем источники позволяют уточнить соотношение воздействия на Корею Советской России и США, в частности известных «14 пунктов» американского президента Вильсона. Из всей совокупности материалов следует, что для значительной части корейского населения, особенно интеллигенции, была характерна ориентация на США. И это не мешало последней оставаться на позициях активного патриотизма.

В полицейских изданиях основной упор делается на исходящую из Советской России опасность для японского господства. Вместе с тем материалы книг говорят о тесном переплетении в корейском освободительном движении послеоктябрьского периода двух внешнеполитических ориентаций — на Советскую Россию и США. Засвидетельствовали это и события 1919 г. Они подтвердили наличие внутренних условий для этих выступлений.

В книге «Состояние общественного спокойствия в Корее...» также говорится о внешних факторах, стимулировавших в это десятилетие (1918—1928 гг.) борьбу корейцев за национальное освобождение [11, 1939, с. 7]. Особо отмечается большое влияние на Корею революционных событий в России. Оно было сильным по ряду причин. Среди них — соседство стран; наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке. Напомним и другие факты. До 1921 г. корейское социалистическое — чаще именуемое в японских полицейских изданиях коммунистическим — движение явилось зарубежным и кружковым. С 1921 по 1925 г. оно было по-прежнему зарубежным, но уже были партии. Основными из них были Иркутская и Шанхайская. Кроме того, образовался небольшой коммунистический центр в Японии и кружки в самой Корее. Их роль проявилась и в движении 1919 г., именуемом Первоапрельским. Конечно, это народное выступление возникло на базе внутренних условий, порожденных зверствами японского колониального режима, но при этом необходимо отметить и влияние на него революции в России.

В рассматриваемых японских изданиях непосредственно событиям 1919 г. уделено не так много внимания. Кроме упоминаний о том, что они связаны с октябрьскими событиями в России, в материалах изданий говорится о серьёзной тревоге властей, оказавшихся перед необходимостью реформ. Старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали изменений. И реформы были проведены. Они охватывали разнообразные области общественной жизни, урезанные, но вместе с тем и ощутимые. Была провозглашена «эра культурного управления». В качестве самой радикальной реформы объявля-

лось предоставление народу политических свобод. Свобода печати выразилась в том, что разрешался выпуск некоторых новых газет. Свободу организаций власти пытались свести к созданию деловых, спортивных, научных обществ. Но корейские патриоты использовали ситуацию, начав создавать свои объединения. При всей ограниченности реформы вызвали определенную либерализацию режима, облегчив условия освободительной борьбы [1, 1974, с. 53—58]. Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Одновременно они показали многоплановость системы мер, принятых Японией, маневренность и гибкость её политики. Хотя время реформ назвали временем «культурного управления», японские издания свидетельствуют, что аппарат подавления японской колониальной администрации ещё более укрепился и в полную меру продолжал функционировать, несмотря на разрекламированную реформу по ликвидации жандармерии [6, 1952, с. 75—78]. По утверждению японской администрации, с введением реформ 1919 г. окончился период военно-полицейских методов; началась «эра культурного управления». Вместе с тем приведенные в источниках данные позволяют судить и о продиктованной недовольством народа необходимости маневрирования, видоизменения форм управления колонией, что японская администрация и делала на основе тщательно продуманной программы.

В Японских изданиях генерал-губернаторства период после реформ 1919 г. именуется периодом «легального движения левых сил». Действительно, появилось немало организаций левой направленности, в корейских газетах стали печататься сообщения о Советской России, о коммунистическом учении, статьи о Ленине. И все же, как следует из служебных изданий, японские власти сосредоточили свое основное внимание не на развернувшейся в Корее после событий 1919 г. легальной деятельности патриотов, а на подпольных организациях, в первую очередь коммунистов и левых.

Первый период левого и коммунистического движения характеризуется японскими источниками как непосредственный перенос, экспорт в Корею из-за границы — в первую очередь из России, а также из Китая и Японии — левого и коммунистического движения. В источниках содержится тезис, что в период 1920—1925 гг. оно «преобладало над националистическим», подавляя его. Думается, что этот тезис требует корректировки. Рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, проведенных после движения 1919 г. Несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния на массы идей Октябрьской революции, многие националисты потянулись в коммунистические группы, в марксистские кружки, стали выступать в легальной печати со статьями по вопросам марксистской теории и т. п. То было данью моде. Первые корейские коммунисты были недостаточно зрелы, чтобы, выступая единым фронтом с буржуазно-патриотическими силами в освободительной борьбе, не отступать от своих принципиальных позиций. Думается, что японские издания завышают степень влияния коммунистов в массах; оно было сильным, но не преобладало над националистическим, не подавляло его. Между ними тогда не было четкой границы, одно влияло на другое. В японских изданиях генерал-губернаторства указывается на

создание множества легальных организаций левого толка, которые проводили лекции, митинги, вели широкую агитацию и пропаганду своих идей в массах.

Например, в книге «Состояние общественного спокойствия...» говорится, что коммунистическое движение возникло в Корее в 1920 г.; были созданы различные общественные организации, союзы рабочих, молодежи, женщин, развернувшие широкую деятельность [11, 1939, с. 7]. Указывается на процесс объединения их усилий и их слияния. В частности, в 1924 г. был создан Корейский рабоче-крестьянский союз. Образование таких организаций всегда связывается в исследуемых изданиях с деятельностью коммунистов и левых.

Первые корейские коммунистические группы возникли за рубежами страны — в России, Китае, Японии. Внутренние условия в Корее, в первую очередь полицейские репрессии, делали неизбежным эмигрантский период. Японские источники указывают на создание зарубежных центров в Чите, Иркутске, Шанхае, а также групп студентов, обучающихся в Японии. В вышеуказанной книге «Состояние общественного спокойствия...» говорится, что «все они боролись за руководство в движении, что в течение нескольких лет коммунистические идеи распространились по всей Корее, подавляя националистическое движение» [11, 1939, с. 7]. В апреле 1925 г. в Сеуле коммунистические группы, одна из которых поддерживала связь с Иркутской группой, другая — с корейскими студентами в Токио, создали компартию и комсомол. Последние были признаны Коминтерном и стали руководить движением в Корее [Там же].

В японских изданиях генерал-губернаторства везде без исключения приводится тезис, что левое и коммунистическое движение искусственно насаждалось среди корейцев Москвой и непосредственно, и через Китай. И все же думается, что внутренняя почва — пусть минимальная — для восприятия этих идей все же была. Дело не только в экспорте большевистских идей, но и в инспирировании большевистских действий, на чем настаивают авторы указанных книг, в непосредственном руководстве корейскими коммунистами, в создании для них по своему образцу стратегии и тактики борьбы, в подборе кадров и пр. Под Москвой понимался Коминтерн и его ведущая сила — РКП (б). Но, соглашаясь с тем, что определенное основание для такого утверждения есть, следует учитывать и давние, устойчивые традиции вооруженной борьбы самих корейских патриотов, их приверженность к решительным боевым, насильственным действиям.

Материалы книг о создании компартии Кореи (КПК) позволяют уточнить и дополнить фактическую базу этого вопроса. В них приводятся, в частности, сведения о том, что непосредственным инициатором создания КПК был Ё Унхён — яркая фигура в корейской освободительной борьбе. Он был одним из основных носителей идеи и организатором единого национального антияпонского фронта. Не останавливаясь подробно на деятельности КПК, отметим, что одним из результатов была борьба за единство действий национальных патриотических антияпонских сил. Подтверждение тому — июньская демонстрация 1926 г. Источники свидетельствуют, что многие коммунисты и комсомольцы были арестованы во время подготовки к демонстрации — скорее всего они готовились к ней заранее. Неслучайно и то, что именно против них были обрушены полицейские репрессии. С другой стороны, материалы позволяют предположить, что нацио-

налистические организации — левые и деятели, с которыми блокировались коммунисты, — видели в них надежную патриотическую силу. То обстоятельство, что руководство Чхондогё — основной союзник коммунистов в дни июньской демонстрации — было представлено левым крылом Чхонудан, можно оценить как результат их влияния, весомого места в освободительной борьбе в данный период. Вместе с тем были активны и националисты.

По мнению многих российских востоковедов, началом, зародышем единого фронта стала июньская демонстрация 1926 г., в которую переросли похороны корейского экс-императора. Известно, что религиозные общества играли там значительную политическую роль, в частности Чхондогё (его левое крыло, Чхонудан, было связано с Крестинтерном). Учение Чхондо — «все для человека, для его блага» — сближало его с идеями социализма. Материалы служебных изданий японского генерал-губернаторства указывают, что во время июньских событий националистические организации, религиозные деятели блокировались с левыми и коммунистами. Несмотря на массовые аресты, борьба прогрессивных сил за единство действий, за сотрудничество патриотических организаций продолжалась; на это указывает и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г., правда действовавшего недолго. Полицейские издания и его называют организацией «бескомпромиссной», т. е. прокоммунистической, также связывая его деятельность с рукой Москвы [11, 1939, с. 9].

Июньское выступление говорит о высоком патриотическом подъёме разных слоёв населения, прежде всего интеллигенции, учащейся молодёжи. Накал анти-японских настроений был настолько велик, что, несмотря на священность похорон, участники нарушили традиции и превратили траурную процессию в демонстрацию. Но она не стала общенациональной, ограничившись Сеулом. И вместе с тем июньская демонстрация 1926 г. явилась заметной вехой в корейском левом движении, так как она продемонстрировала значение и возможность единства действий патриотов разной политической ориентации, в частности, коммунистов, левых и Чхондогё, пользовавшегося большим влиянием в разных слоях общества и имевшего в стране множество филиалов. Дочерними организациями общества Чхондогё были представляющая его левый лагерь Чхонудан («Партия молодых друзей») и Чосон понминса («Корейская крестьянская лига»). Общество Чхондогё было разнородным. В период июньских событий руководство обществом было в руках левого крыла. В целом из материалов японских источников следует, что июньская демонстрация засвидетельствовала новое качество корейского освободительного, в частности левого, движения 1920-х годов: оно было заранее организованным, целенаправленным, для него было характерно взаимодействие разнотипных патриотических сил при активной роли левых и коммунистов.

В рассматриваемых источниках о самом июньском выступлении говорится относительно мало, но материалы свидетельствуют, что японская администрация и карательные органы ответили градом репрессий. Им подверглись не только коммунисты, комсомольцы и актив Чхондогё, но и многие члены христианских и буддийских общин. Японские издания генерал-губернаторства трактуют демонстрацию 1926 г. в основном как выступления корейского студенчества.

«10 июня 1926 г., — говорится в «Вестнике идеологии», — в Сеуле студенты во время похорон экс-императора распространяли листовки, призывавшие к борьбе за независимость Кореи. Были произведены аресты». «Вестник» сообщает, что ранее 5 июня 1926 г. в Сеуле и других районах Кореи был арестован Кан Дальён и еще 176 коммунистов, выступавших за независимость страны и построение коммунистического общества [12, 1937, с. 71 приложений]. Думается, что аресты такой большой группы коммунистов за пять дней до демонстрации не могли не быть с нею связаны. Об активной роли КПК в июньском выступлении красноречиво свидетельствуют процессы над коммунистами. «Словарь тайной полиции» также упоминает о массовых арестах в июне 1926 г. коммунистов, в том числе членов ЦК [10, 1935, с. 229].

«Вестник идеологии» отмечает и другие аресты по делу студентов в период 1926—1928 гг. Так, в феврале 1928 г. в Сеуле был создан студенческий комитет, объединявший ячейки в школах (частных, государственных, муниципальных — средних и высших), где обсуждались вопросы обучения и положение молодежи. Члены организации выступали против «японской политики в Китае». Как пишет «Вестник идеологии», в сентябре были проведены аресты [12, 1937, с. 71 приложений].

Несмотря на массовые аресты участников демонстрации 1926 г., борьба левых сил за единство действий, за сотрудничество и взаимодействие всех патриотических организаций продолжалась, на что указывает создание в 1927 г. общества Синганхве. Служебные издания японского генерал-губернаторства также называют его организацией «бескомпромиссной» — как уже отмечалось, эта была характеристика, используемая полицией в отношении левых и коммунистов. Роспуск общества японские издания связывают с борьбой между сторонниками в самой организации. «Внутри организации возникли разногласия между сторонниками легальных и нелегальных форм борьбы, — отмечается в книге «Состояние общественного спокойствия...», — и в 1931 г. организация Синганхве распалась» [11, 1939, с. 9]. Следует отметить, что ведущую роль в её создании и деятельности в первое время полицейские издания отводят компартии. В то же время их материалы свидетельствуют и о многих ошибках, допущенных его организаторами: стихийный самороспуск массовых организаций, нечеткость программы, видимо в силу отсутствия у руководства опыта в борьбе. Материалы этих книг довольно красноречиво показывают вред, который наносила обществу Синганхве групповая борьба входящих в него организаций, в том числе КПК. Последнее обстоятельство широко использовала полиция для выявления и изоляции коммунистов. В результате КПК, будучи одним из организаторов создания Синганхве, не стала его ведущей силой.

В рассматриваемое время происходили изменения и внутри национал-реформистского лагеря. Его левое крыло, представленное в основном интеллигенцией, хотя и было подвержено колебаниям, утопическим воззрениям, ориентировалось в этот период на укрепление блока с коммунистами. Правые национал-реформисты под сильным давлением низов присоединялись к антияпонским выступлениям, в которых участвовали левые и коммунисты. Говоря о едином корейском антияпонском фронте 1920-х годов, вернее о его зачатках, нужно оха-

рактизовать его как объединение усилий главным образом снизу, как урезанный, неполный народный фронт.

Удар по нему был нанесен решениями VI конгресса Коминтерна 1928 г. В принятых конгрессом тезисах по колониальному вопросу содержались левацкие, сектантские установки. В них предлагалось отвергать любое блокирование с национальной буржуазией; утверждалось, что в колониях она не представляет силы, противостоящей империализму. Конгресс нанес удар и по КПК: на нем фактически (официально это не было закреплено) компартия распускалась, перестав существовать как централизованная организация. На конгрессе произошла парадоксальная ситуация: Коминтерн, утвердив компартию Кореи своей секцией, фактически тут же её распустил. Опять из-за той же «фракционности», не признав её представителей, приехавших на конгресс.

Думается, что фактический роспуск КПК был актом ошибочным, сказавшимся на всем освободительном движении. В период существования КПК в корейском освободительном движении при её активном участии были достигнуты значительные результаты, что проявилось в участии в июньской демонстрации, в создании Синганхва. Последние можно назвать первыми ростками единого антияпонского фронта. Что касается групповых распрей, то можно предположить, что при сохранении партии их легче было бы преодолеть. Главные же доводы относятся к последующей деятельности коммунистов, не имевших своей единой централизованной организации и вынужденных бороться за её воссоздание. Вместе с тем завышенным представляется утверждение некоторых отечественных корееведов, что КПК была авангардом освободительного движения в Корее в этот период. За эту роль она только боролась. На вопрос о том, почему в свое «звёздное трёхлетие» (1925—1928) КПК не стала в общенациональном масштабе во главе освободительного движения, ответ дают японские полицейские издания: из рядов КПК, как и других, в первую очередь левых, организаций, полиция вырывала самые лучшие кадры. «В связи с продолжавшимися арестами корейская компартия была распущена, — говорится в “Состоянии общественного спокойствия...”», — VI конгрессом Коминтерна в августе 1928 г. Но исполком Коминтерна в декабре того же года принял тезисы о восстановлении компартии Кореи, которые были адресованы рабочим, крестьянам и другим неимущим слоям общества. Развернулась активная борьба за восстановление партии; расширилось самое левое, радикальное движение» [11, 1939, с. 9].

В издании «Словарь тайной полиции» можно найти материал о «декабрьских тезисах», освещающих положение в компартии Кореи. Там говорится, что Дальневосточный отдел Коминтерна создал «...для стимулирования борьбы народов колоний комиссию по корейскому вопросу и в декабре 1928 г. выработал тезисы о воссоздании корейской компартии» [10, 1935, с. 165]. Декабрьские тезисы, принятые Политическим секретариатом ИККИ в декабре 1928 г., отражали общий курс, взятый VI конгрессом Коминтерна, и его левацкие установки. В тезисах, в частности, говорилось, что национально-освободительное движение в Корее является не только антиимпериалистическим и антифеодальным, но и тесно связано с борьбой пролетариата против национальной буржуазии. Тем самым как-бы отсекались от освободительного движения союзники коммунистов, вме-

сте с ними выступавшие в 1926 г. «Согласно этим тезисам, — говорится в “Словаре тайной полиции”, — Корея являлась важным направлением наступления Японии на азиатский материк. Поэтому необходимо связать лозунги повседневной борьбы с антиимпериалистическими, антияпонскими призывами и, выступая против японского империализма, одновременно вести борьбу с феодальными пережитками в Корее...» [10, 1935, с. 165—166]. Как пишут авторы данного издания, тезисы указывали на необходимость усиления объединений рабочих и крестьян, а также реформаторских организаций типа Панджонгё и таких религиозных организаций, как Синганхве, Хёнпхёнса, Чхондогё и др. Согласно декабрьским тезисам, «коммунистическое движение Кореи в настоящее время находится в состоянии застоя, оно рассеяно и изолировано. Необходимо, чтобы в ближайшем будущем компартия была воссоздана и укреплена». Комментируя эти установки, «Словарь тайной полиции» пишет, что «под влиянием декабрьских тезисов блуждавшая из-за раскола и внутренних распрей компартия быстро “пришла в себя”, и корейские коммунисты активно приступили к сплочению своих рядов» [Там же].

При том что заслугу роспуска КПК полиция приписывает исключительно своему усердию, нельзя не согласиться с тем, что именно террор стал главной причиной прекращения партии в 1928 г. своего существования в качестве единой самостоятельной силы. Фракционная борьба внутри комдвижения нанесла ему серьезный вред, но не явилась главной причиной роспуска компартии. Об этом говорят и японские издания. Во второй половине 1920-х годов террор приобрел в Корее большие масштабы, резко ослабив партию, особенно после 1928 г. «Состояние общественного спокойствия...» приводит следующие данные: с 1928 по 1931 г. произошло 1315 «идеологических преступлений», было арестовано около 11 тыс. участников [11, 1939, с. 13—14].

Любопытно признание авторов исследуемых японских источников, что аресты коммунистов и левых были затруднены в связи с тем, что они и в условиях подполья проявляли гибкую тактику работы в массах, использовали различные методы деятельности, проникали в легальные организации, в вечерние школы и вербовали сторонников, сближались с различными молодежными объединениями. В книге «Состояние общественного спокойствия...» говорится, что «...левые и коммунисты использовали в легальной и подпольной борьбе разного рода праздники, а также рабочие выступления, арендные конфликты и пр. для распространения воззваний, ведения широкой пропаганды, вербовки новых последователей» [11, 1939, с. 10—11].

На корейскую освободительную борьбу 1928—1936 гг. решения VI конгресса Коминтерна отразились остро и крайне болезненно. Возобладал догматизм, забегание вперед, сектанство, а также силовые методы. На первый план стали выдвигаться далекие от реальности задачи социалистической революции и построения социалистического общества. В тени оказалось главное требование национальной независимости. Распались зачатки единого фронта. Новый курс Коминтерна нанес ему тяжелый удар, оттолкнув от левых сил не только союзников. Как известно, VI конгресс Коминтерна, с одной стороны, отметил, что выработанные В.И. Лениным и принятые на XI конгрессе «Тезисы по националь-

ному и колониальному вопросам» в полной мере сохраняют свое значение. Но, с другой стороны, принятые политическим секретариатом Исполкома Коминтерна развернутые тезисы по Корее содержали левацкие установки. Как уже отмечалось, в них говорилось, что национально-освободительное движение в большинстве современных колоний, в том числе и в Корее, является не только антиимпериалистическим и антифеодальным; оно теснейшим образом связывается с классовой борьбой пролетариата как против империалистов и феодалов, так и против национальной буржуазии.

Дальнейшее развитие народной борьбы и деятельности корейских левых и коммунистов проходило в условиях мирового экономического кризиса, нарастающей милитаризации Японии и нового курса Коминтерна. В конце 1920-х годов произошёл ряд крупных выступлений рабочих, крестьян, интеллигенции: знаменитая Вонсанская забастовка, крестьянские волнения в Танчхоне, выступления учащихся Кванджу. Возникнув на базе ухудшающегося положения народных масс, усиливающейся дискриминации корейцев, они вместе с тем в той или иной степени явились результатом деятельности левых, коммунистов и проводимого ими курса на сплочение патриотических сил. Однако в этот период в корейском освободительном движении уже начали ощущаться первые отзвуки левацких установок VI конгресса Коминтерна. Проявлялось смещение акцентов в задачах борьбы с национально-освободительных на классовые, отход от позиций единого антияпонского фронта патриотических сил.

По периоду 1928—1928 гг. служебные издания генерал-губернаторства предоставляют и другую ценную информацию. Так, они указывают, что в 1920-е годы наблюдался рост арендных конфликтов и забастовок. «Вестник идеологии» за 1937 г. приводит следующие данные об этих выступлениях. Надо полагать, что в сводки вошли данные самых крупных и значительных из них. Приведем эти данные: арендных конфликтов в 1921 г. произошло 27 с числом участников 2967 человек; в 1922 г. — 22 и 3539; 1923 г. — 176 и 9060; в 1924 г. — 164 и 6929; 1925 г. — 11 и 2646; 1926 г. — 17 и 2118; 1927 г. — 22 и 3285; 1928 г. — 30 и 3572; 1929 г. — 36 и 2620; 1930 г. — 93 и 10 037 человек, соответственно [12, 1937, с. 93 приложений]. Это же издание приводит сведения и о производственных конфликтах этого периода. Так, в 1921 г. произошло 36 забастовок с 3403 участниками; 1922 г. — 44 и 1809 человек; 1923 — 72 и 6041; 1924 — 45 и 6751; 1925 — 55 и 5700; 1926 г. — 85 и 5980; 1927 г. — 94 и 10 523; 1928 г. — 119 и 7759, 1929 г. — 102 и 8293; 1930 г. — 160 и 18 972 человека, соответственно [Там же].

В рассматриваемых изданиях отмечается, что в этот период набирало силу партизанское движение. Так, книга «Корейская полиция» указывает, что партизаны, действовавшие небольшими группами, усилившие свою борьбу с февраля 1919 г., совершали поджоги, убивали полицейских и жандармов, разрушали полицейские участки, захватывали оружие. «Очень часто местное население содействовало их борьбе, укрывало их и даже помогало разрушать полицейские участки и правительственные учреждения» [13, 1938, с. 65], говорится в издании. В 1920 г., к примеру, насчитывалось 4613 участника нападений; ущерб от их действий составил 115 тыс. иен. «Надзор со стороны колониальных властей усилился, — говорится в том же издании, — особенно вдоль пограничной зоны провин-

ций Южная и Северная Хамгён [13, 1938, с. 278]. В «Вестнике идеологии» также приводятся материалы о партизанских выступлениях в начале 1920-х годов. Авторы изданий указывают, что эти группы были связаны с «патриотическими» элементами в Маньчжурии.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что служебные издания японского генерал-губернаторства дают большой материал для научного исследования и объективного анализа истории колониальной Кореи, национально-освободительного движения её народа в первой половине XX в. В частности, сведения, содержащиеся в них, дают дополнительный фактический материал, расширяющий представление о деятельности левых и коммунистов в период 1918—1928 гг., о борьбе с ними японской администрации.

Библиографический список

- История Кореи. Т. 2. М.: Наука, 1974. 480 с.
- История Кореи (Новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. 429 с.
- Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 680 с.
- Шабшина Ф. И. В колониальной Корее (1940—1945). Записки и размышления очевидца. М.: Наука, 1982. 287 с.
- Шабшина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.), М., 1959.
- Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 г. в Корее. М.: АН СССР, 1952, 279 с.
- Lee Chong-Sic. The Politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963, 342 p.
- Scalapino R., Lee Chong-Sic. Communism in Korea. Berkeley, 1972, 685 p.
- Suh Dae-Sook. Documents of Korean Communism. Princeton, 1969, 572 p.
- Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн (Словарь тайной полиции) 高等警察用語辞典. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1935. 258 с.
- Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё: (Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время), 最近における朝鮮治安状況. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1939. 480 с.
- Сисо: ихо: (Вестник идеологии), 思想彙報. выпуск 1937 г. № 11. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1937. 321 с.
- Тё:сэн кэйсацугайё: (Корейская полиция), 朝鮮警察概要. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1938. 161 с.

References

- Chousen keisatsu gaiyou, 朝鮮警察概要 [Outline of Korean Police], (1938), Seoul, Governor-general Office Publ., 161 p. (In Japanese)
- Istoria Korei, [History of Korea], Vol. 2, (1974), Moscow, Nauka Publ., 480 p. (In Russian)
- Istoria Korei. Novoe prochtenie, [History of Korea. A New Perspective], (2003), Moscow, ROSSPEN Publ., 429 p. (In Russian)

Koutou keisatsu yougojitèn, 高等警察用語辞典 [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms], (1935), Seoul, Governor-general Office Publ., 1935, 258 p. (In Japanese)

Kurbanov S. O. Istoriiia Korei: ot drevnosti do XXI v. [History of Korea: from Old Times to XXI century], St-Petersburg State Univ., 2009, 680 p. (In Russian)

Lee Chong-Sic. The Politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963.

Saikin-ni okeru chousenjian joukyou, 最近における朝鮮治安状況 [Recent Situation of Peace and Order in Korea], (1939) Seoul, Governor-general Office Publ., 480 p. (In Japanese)

Scalapino Robert, Lee Chong-Sic. Communism in Korea. Berkeley, 1972, 685 p.

Shabshina F. I. Iŭzhnaia Koreia 1945—1946. Zapiski ochevidtsa. Moscow, Nauka Publ., 1974, 271 p. (In Russian)

Shabshina F. I. V kolonial'noi Koree (1940—1945). Zapiski i razmyshlenii ochevidtsa. Moscow. Nauka Publ., 1982, 287 p. (In Russian)

Shabshina F. I. Narodnoye vosstanie 1919 g. v Koree. [The 1919 People's Uprising in Korea], Moscow, Institute of Oriental Studies Publ., 1952, 279 p. (In Russian)

Shisou ihou, 思想彙報 [Thought Control in Korea], (1937), № 11, Seoul, Governor-general Office Publ., 321 p. (In Japanese)

Suh Dae-Sook. Documents of Korean Communism. Princeton, 1969. 572 p.

Поступила в редакцию: 29.11.2025
Принята к публикации: 10.02.2026

Received: 29.11.2025
Accepted: 10.02.2026